

ОНИ ПИТАЮТСЯ НЕ СЧАСТЬЕМ

АМАРАНТ- ЛАВАНДОВЫЙ РАЙ

— A. ROOKE —

18+

A. Rooke

Амарант — Лавандовый рай

<https://litres.ru/74276093>

SelfPub; 2026

Аннотация

Оказаться в другом мире после смерти — звучит как подарок судьбы. Если только этот мир не питается твоим страхом, упакованным в улыбку.

Анна Стрельцова, следователь с двенадцатилетним стажем, привыкла к худшему. Но даже она не ожидала смерти от удара током в собственной ванной. И вместо того, чтобы предаться забвению, её сознание переносится в тело девушки по имени Элиза, в мир, где слишком пахнет цветами, где все улыбаются одинаковой улыбкой, а на запястьях пульсируют золотые браслеты. Местные называют это Гармонией. Анна, которая знает цену лжи, называет это клеткой.

Добро пожаловать в Амарант! Здесь люди — ресурс, чьи эмоции перерабатывают в топливо. Здесь лес полон существ, которые старше этого мира. Здесь каждый твой гнев, каждая ложь и каждая правда уходят по золотым нитям к тем, кто сидит в белом зале и ждёт урожая.

Сможет ли Анна сохранить себя, когда даже собственные чувства под запретом? И как далеко готов зайти тот, кто никогда не умел чувствовать, но впервые захотел?

A. Rooke

**Амарант —
Лавандовый рай**

Глава 1. Короткое замыкание

Смерть пахла палёной проводкой и дешёвым шампунем.

Анна лежала на холодном кафеле ванной, и последнее, что видели её глаза — струйка дыма, поднимающаяся от оплавленного шнура фена. Розовая пластмасса пошла пузырями. Вода в раковине ещё капала — размеренно, монотонно, словно метроном отсчитывал последние секунды.

«Какая глупость», — подумала она.

Три пулевых ранения за двенадцать лет службы — выжила. Засада в заброшенном ангаре с вооружённой бандой — вышла. А тут — фен. Три тысячи рублей в супермаркете у дома. Заземления нет, проводка старая, хозяйка квартиры клялась, что электрику меняли в прошлом году.

Боль была короткой и почти нелепой. Разряд прошёл через ладонь, сжал сердце ледяным кулаком и отпустил.

Темнота наступила мгновенно. Анна даже не успела испугаться. Успела только разозлиться — остро, до скрежета зубов. Вот так, по-дурацки, в тридцать пять, когда до закрытия сложного дела оставалась пара недель. Когда она наконец нащупала ту самую ниточку, которая...

Темнота сменилась запахом.

Пахло сеном, сухой травой, пылью, нагретым солнцем, и ещё чем-то сладковатым, цветочным, приторным до лёгкой тошноты. Так пахнет на чердаке деревенского дома в июле.

Анна попыталась открыть глаза и не смогла. Веки были свинцовыми, чужими. Она попыталась пошевелить пальца-

ми, и тело отозвалось странно: не так, как должно. Руки были тоньше, слабее. Кожа на локтях гладкая, без привычных шрамов.

«Кома», — решила она. — «Меня откачали, я в больнице, это галлюцинации».

Но тут она услышала голос.

— Элиза, милая, просыпайся. Сегодня такой чудесный день!

Чудесный день.

Анна заставила себя разлепить веки. Свет ударил по глазам: мягкий, золотистый, струящийся сквозь плетёные жалюзи. Она лежала на узкой деревянной кровати. Стены во круг были побелены известью, потолок пересекали массивные балки тёмного дерева. В углу стоял простой комод, а на нём кувшин с полевыми цветами.

Ромашки. Васильки. И что-то лиловое, незнакомое, с восковыми лепестками.

У кровати сидела женщина. Лет сорока на вид: светлорослая, в светлом платье с глухим воротом. Она улыбалась мягко, ласково, но что-то в этой улыбке было... неправильное. Как на картинке. Слишком ровная. Слишком симметричная.

Затем пришла мысль о похищении. Она не знала, где находится, не знала, с кем, и не представляла, что с ней теперь будет.

— Как ты себя чувствуешь, дорогая? Головокружение

прошло?

Анна открыла рот, чтобы ответить, и поняла, что не знает, каким голосом заговорит. Она сглотнула. Язык ворочался во рту иначе, зубы были другими: мельче, что ли, теснее. Когда она наконец выдавила из себя звук, это был чужой голос. Высокий, девичий, почти детский.

— Где я?

Женщина улыбнулась шире, и Анна отметила: морщинок у глаз нет, хотя улыбка явно частая, привычная.

— Дома, Элиза. Где же ещё? Ты так напугала нас вчера. Упала в обморок прямо после Вечерней Благодарности. Господин Фаулер сказал — переутомление. Ты слишком много работала на южном поле.

Элиза. Вечерняя Благодарность. Господин Фаулер.

Анна села на кровать. Движение далось легко. Тело было молодым, сильным, послушным. Она опустила взгляд и увидела чужие руки. Тонкие пальцы, гладкая кожа бледно-розового оттенка. На левом запястье браслет. Тёмные нити, похожие на высушенные корни, переплетались с тончайшими золотыми проводками. Он сидел плотно, как вросший в кожу, но не причинял боли. Просто был.

— Что это? — Спросила она, поднимая руку.

Женщина на мгновение замерла. Улыбка дрогнула — едва заметно, на долю секунды, но Анна заметила. Она привыкла замечать такое. Допросы научили.

— Это Браслет Согласия, Элиза, — женщина говорила

медленно, как ребёнку. — Ты носишь его с пяти лет. Неужели не помнишь? Господин Фаулер предупреждал, что после обморока может быть спутанность...

Она коснулась своего запястья. У неё был такой же.

— Конечно, помню, — Анна растянула губы в улыбке. Мышцы лица послушались рефлекторно, привычно. Похоже, тело Элизы улыбалось часто. — Просто... немного кружится голова.

— Я принесу чай, — женщина поднялась. — Отдыхай. Сегодня можешь не выходить в поле. Я скажу господину Фаулеру.

Она вышла, бесшумно ступая босыми ногами по деревянному полу. Дверь закрылась мягко, без скрипа. Анна осталась одна.

Она посидела неподвижно минуту. Две. Три.

Потом медленно, осторожно поднесла правую руку к левому запястью и попыталась нащупать застёжку на браслете. Застёжки не было. Нити словно уходили прямо под кожу, срастаясь с венами. Анна потянула и браслет мягко нагрелся, не обжигая, но предупреждая.

Она отпустила. Нагрев прекратился.

«Так, — сказала она себе мысленно, — давай по порядку. Первое: я не умерла, хотя должна была. Второе: кажется, я в чужом теле. Третье: та женщина не мать мне и не родственница, иначе вела бы себя иначе. Четвёртое: где её родители?»

Она оглядела комнату. Кроме кровати и комода здесь был

ещё шкаф: узкий, высокий, с мутным зеркалом в полный рост на внутренней стороне дверцы. Анна встала. Пол был тёплым, гладким. Камень? Нет, утоптанная глина, покрытая лаком. Странно. Она подошла к шкафу и открыла дверцу.

Из зеркала на неё смотрела незнакомая девушка.

Лет девятнадцати. Светлые, почти льняные волосы, заплетённые в простую косу. Серые глаза. Тонкие, но не острые черты с мягким овалом лица, чуть вздёрнутый нос, пухлые губы. Миловидная. Даже красивая, но красотой неброской, пасторальной.

И улыбка. Лёгкая, спокойная, словно приклеенная.

Одета девушка была в такое же светлое платье, что и женщина. Никаких украшений, кроме браслета. Никаких следов косметики. Всё простое, чистое, правильное.

Анна прищурилась. Поднесла ладонь к лицу. Отражение повторило жест.

«Ладно. Допустим, я сплю. Допустим, это кома. Допустим, я правда в чужом теле или сошла с ума. В любом случае, первое правило ориентироваться на местности и не привлекать внимания».

Она закрыла шкаф и вернулась к кровати. Села. Снова посмотрела на браслет.

И тут её накрыло.

Это не было галлюцинацией, скорее волной ощущений, которые принадлежали не ей. Чужой страх. Чужое отчаяние. Образы: тёмное помещение, запах сырой земли, чей-то го-

лос — «Элиза, Элиза, мне страшно, Элиза, что они с нами сделают...» Женский голос. Молодой. Дрожащий.

И ещё чувство. Острое, как лезвие.

Ненависть.

Ненависть к браслету. К улыбкам. К золотистому свету, льющемуся сквозь жалюзи. Ко всему этому миру, такому чистому и такому фальшивому.

Волна схлынула так же внезапно, как и накатила. Анна обнаружила, что тяжело дышит. Сердце колотилось где-то у горла. Руки дрожали. На запястье браслет ощутимо нагрелся, почти обжигал, и она с ужасом поняла, что не может успокоиться.

Дверь приоткрылась.

— Элиза? — Та же женщина заглянула в комнату. В руках у неё была чашка с дымящимся чаем. — Твой браслет... тебе плохо, милая?

Анна взяла себя в руки. Не сразу, потребовалось несколько секунд, чтобы подавить чужую панику, замедлить дыхание, разгладить лицо. Она подняла глаза и улыбнулась той самой пустой, спокойной улыбкой, которую только что видела в зеркале.

— Всё хорошо, — сказала она голосом Элизы. — Просто вспомнила кое-что неприятное. Уже прошло.

Женщина смотрела на неё внимательно. Долго. Секунду, другую, третью. Потом улыбнулась в ответ и протянула чай.

— Выпей. Это поможет. Лаванда, мята и ещё кое-что...

для спокойствия.

Анна взяла чашку. Жидкость пахла травами, но был в этом запахе едва уловимый химический оттенок. Как в больнице. Как в операционной.

— Спасибо, — ответила она, поднося чашку к губам.

Пить не стала. Сделала вид, что отхлебнула, придерживая жидкость губами. Тёплое, но не обжигающее. Женщина, кажется, ничего не заметила. Она постояла ещё немного, потом кивнула и вышла.

Анна подождала, пока стихнут шаги. Потом встала, подошла к окну и вылила чай в горшок с каким-то растением.

Только после этого она позволила себе посмотреть на улицу.

За окном расстился мир, которого она никогда не видела. Бескрайние поля пшеницы уходили к горизонту, золотые колосья качались под ветром ровно, ритмично, словно в такт неслышимой музыке. Меж полей вилась дорога, утоптанная до каменной твёрдости. Вдалеке виднелись домики, такие же, как этот: белые стены, низкие крыши, никаких труб. Никакого дыма.

Небо было идеально голубым. Без единого облачка. Вокруг всего этого — лес.

И воздух...

Анна приоткрыла створку окна. В лицо ударило теплом и сладким цветочным ароматом. Тем самым, что она почувствовала сразу после пробуждения. Здесь он был гуще, на-

сыщеннее. И под ним — другой, едва заметный, металлический. Как от перегретого утюга.

Она перевела взгляд дальше. Туда, где поля заканчивались и начиналась тёмная полоса леса. У самой кромки, на небольшом возвышении, стоял дом. Не такой, как остальные белые домики деревни, — в один-два этажа, — а тёмный, трёхэтажный особняк из серого камня с острыми шпилями, окружённый аккуратными кустами и высоким забором. Он казался чужеродным на фоне этих золотых полей, не вписываясь в общий пейзаж.

Она закрыла окно.

Потом опустила взгляд на браслет. Медленно покрутила запястьем, разглядывая золотые нити на свету.

— Итак, Элиза, — прошептала она одними губами. — Что ты знала? Чего боялась? И от чего хотела сбежать?

Браслет молчал.

Но где-то под половицей, в трёх шагах от кровати, лежал дневник, который знал ответы.

Анна ещё не подозревала об этом, но она была хорошим следователем. И первое, что она собиралась сделать завтра, — обыскать комнату.

Глава 2. Чужой почерк

Ночь Анна провела без сна.

Не потому, что мешали звуки — наоборот, тишина стояла такая глубокая, что звенело в ушах. Ни сверчков, ни лая собак, ни ветра. Лишь иногда где-то далеко, на грани слышимости, раздавался низкий гул: ровный, вибрирующий, как от работающего трансформатора. Он возникал на несколько секунд и стихал, оставляя после себя ещё более плотную тишину.

Анна лежала на спине, глядя в тёмный потолок, и методично прокручивала в голове всё, что знала.

Факт первый: её сознание перенесено в тело девушки по имени Элиза. Механизм неизвестен. Научного объяснения нет. Принять как данность.

Факт второй: окружающий мир похож на очень отдалённый уголок Земли. Технологический уровень на первый взгляд соответствует XVIII-XIX веку, но есть аномалии: браслеты, явно работающие на неизвестном принципе. Отсутствие дыма, труб, запаха гари. Цветочный запах в воздухе постоянный, и, возможно, искусственный. В процессе наблюдения за людьми из окна не было замечено ни одного телефона.

Факт третий: обморок Элизы не случаен. Что-то с ней

произошло. Что-то, после чего её сознание исчезло, а на освободившееся место заселилась Анна.

Факт четвёртый: девушка подметила это ещё за ужином. Марта не притронулась к еде, пока Анна не начала есть сама. Когда она отодвинула тарелку, Марта тут же спросила: «Не вкусно? Ты почти не ела». Голос был мягким, почти участливым, но взгляд остановился не на её лице, а на запястье. На браслете. И задержался на несколько секунд дольше, чем требовалось для обычной заботы.

Вывод: Анна в тюрьме. В очень мягкой, очень вежливой, улыбающейся тюрьме, а Марта — её надзиратель. И первое, что нужно сделать, понять правила.

Ещё одно. То, что накатило днём — волна чужого ужаса, — не было галлюцинацией. Это была эмоциональная память тела. Элиза боялась. Элиза ненавидела. И Элиза что-то знала. Что-то, от чего пыталась сбежать, и, возможно, сбежала. В смерть.

А теперь её место заняла Анна. Следовательно с двенадцатилетним стажем. Женщина, чья работа замечать то, что другие хотят скрыть.

Она усмехнулась в темноте.

— Посмотрим, кто кого, — прошептала она одними губами.

Браслет на запястье едва заметно потеплел. Анна заставила себя думать о чём-то нейтральном — о работе, о цвете неба, — и тепло ушло.

Утром она приступила к обыску, предварительно заперев дверь на щеколду с внутренней стороны.

Начала с комода. Три ящика. В верхнем — аккуратно сложенная одежда: светлые платья, передники, ночная сорочка. Все из грубой, но добротной ткани. Ничего лишнего. Во втором — швейные принадлежности, мотки ниток, ножницы с закруглёнными концами.

«Такие явно не воткнёшь ни в кого» — мысленно отметила она.

Третий ящик казался пустым, если бы не фонарик в дальнем углу. Довольно старой модели, металлический, с мутным стеклом и потёртой ручкой. Огонёк при включении горел слабо. Возможно, когда-нибудь пригодится. Пока что было решено оставить его на месте.

После этого она простучала стенки, проверила дно на предмет двойного слоя, — навык, въевшийся в пальцы за годы обысков. — осмотрела заднюю стенку. Ничего.

Шкаф. Три платья на вешалках, ещё одна пара обуви лёгких, матерчатых туфель на плоской подошве и запасное одеяло. Анна ощупала подкладку платьев, проверила пустые карманы, осмотрела обувь внутри. Ничего.

Кровать. Матрас, набитый соломой, — она прошупала каждый угол. Деревянная рама простая, без резьбы. Анна легла на пол и заглянула под кровать: пыль, маленький клубок серой шерсти. Кошка? В доме она не видела кошек. И больше ничего.

Потом она села на пятки и оглядела комнату. Взгляд сам собой упал на глиняный пол. Явно не новый, но и не слишком старый. Почти идеальный, если не замечать трещин.

Через минуту она пригляделась к изножью кровати, где что-то, похожее на доску, выступало бугорком. Буквально на пару миллиметров, но этого оказалось достаточно, чтобы заметить, если искать специально.

Анна подползла ближе. Нажала на край доски — та не шелохнулась. Тогда она провела пальцами вдоль стыка, ища зацепку. И нашла. В дальнем углу доска была чуть-чуть отполирована. След от частых прикосновений. Анна нажала на угол особым образом, вращательным движением, и доска приподнялась с тихим скрипом.

Под ней была неглубокая выемка, аккуратно выстеленная тканью. А в выемке — две вещи.

Первая: тонкая тетрадь в самодельном переплёте из грубой коричневой бумаги. Страниц сорок, не больше. Вторая: какой-то предмет, завёрнутый в льняной лоскут. Анна осторожно развернула ткань и замерла.

Нож.

Не кухонный, не столовый. Самодельная заточка из сломанного серпа. Лезвие длиной в палец, обмотанное у основания полоской кожи, чтобы держать. Ржавчины нет, кто-то старательно ухаживал за оружием.

Девушка перевела взгляд на тетрадь. Открыла первую страницу. Почерк был мелким, неровным, буквы прыгали.

Писали явно второпях, возможно, при плохом свете, но разборчиво.

«Я не знаю, кто прочтёт это, но умоляю...»

В дверь постучали.

Анна среагировала мгновенно. Тетрадь и нож вернулись в тайник, доска легла на место почти беззвучно, а сама она в три шага переместилась к двери, открыла. Когда Марта заглянула в комнату, Элиза стояла с самым безмятежным видом.

— Доброе утро, милая. Как спалось? — Улыбка всё та же, ровная.

— Чудесно, — Анна улыбнулась в ответ. — Так хорошо. Никогда не чувствовала себя лучше.

Марта посмотрела на её браслет. Мгновение — и улыбка стала чуть шире. Значит, браслет подтверждал: эмоции в норме. Спокойна, расслаблена, может быть, чуть радостна.

Анна мысленно поставила галочку: браслеты — детекторы. Марта проверяет показания.

— Я пойду в поле? — Спросила Анна с надеждой на положительный ответ.

— Нет-нет, господин Фаулер сказал отдыхай ещё день. Но если хочешь, можешь прогуляться до деревни. Свежий воздух полезен.

Прогулка. Отлично. Ей как раз нужно было увидеть этот мир снаружи. Понять, где она оказалась, и на всякий случай прикинуть путь к отступлению. Она уже знала по старой при-

вычке, что разведка местности никогда не бывает лишней.

— Спасибо, Марта. Я, пожалуй, прогуляюсь.

Марта кивнула.

— Только надень шляпу, солнце сегодня сильное. И не задерживайся до Полуденного Перехода.

Переход? Новое слово. Анна кивнула в ответ, запоминая.

Она оделась быстро: платье, передник, шляпа из соломки, висевшая на крючке у двери. Обуваться в эти матерчатые туфли было странно, ведь они почти ничего не весили и нога чувствовала каждую неровность. Не для долгих переходов, подумала Анна. Либо здесь везде гладкие дорожки, либо местные далеко не ходят.

Она вышла за порог и впервые увидела мир в полном свете.

Деревня. Она начиналась прямо за калиткой. Дорога, утоптанная до блеска, вилась меж белых домиков. Все как под копирку: каменные, одноэтажные, с высокими крышами из потемневшей соломы. У каждого — палисадник с цветами: ромашки, бархатцы, и та самая лиловая восковка. У каждой калитки рос куст лаванды. Идеально. Стерильно. Как декорация.

Людей было немного. Женщина несла корзину с бельём, мужчина вёл куда-то ослика, нагруженного мешками. Двое детей играли на небольшой лужайке, мальчик и девочка. Они кидали друг другу тряпичный мяч. И все, абсолютно все улыбались, заметив Анну-Элизу.

— Доброе утро, Элиза! Рады видеть тебя в добром здравии!

— Да благословит тебя Согласие, Элиза!

— Какое чудесное утро, не правда ли?

Она кивала в ответ, улыбалась и шла дальше, считая. Первый. Второй. Третий. Четырнадцать человек за десять минут. Четырнадцать улыбок. Четырнадцать одинаковых приветствий и столько же неестественно безэмоциональных голосов, прикрывающихся заинтересованностью. Никто не хмурился. Никто не спешил, опустив голову. Никто не огрызнулся. Место, населённое идеально вежливыми куклами.

Где-то внутри сознания зашевелился ужас. Анна привыкла к агрессии. Крики, грубость, злоба — это было её рабочей средой, привычной и понятной, как воздух. Здесь же не было ничего. Сплошной сироп. Она выросла в большом городе и лишь несколько раз бывала в деревне, когда в детстве гостила у бабушки, которую уже не помнила, однако даже там люди не были настолько улыбочивыми.

Вскоре Анна свернула к лавке с овощами и фруктами, миновав высокий дуб и несколько домиков. Та стояла в центре деревни. Единственное здание с вывеской, язык на которой оказался ей незнаком.

За прилавком сидел мужчина средних лет, лысеющий, в аккуратном фартуке. На стене за его спиной висели мотки ткани, на полках банки с чем-то сыпучим, какие-то свёртки.

— Элиза! — Он просиял так, будто она была его любимой внучкой. — Поправилась? Вот и славно! Тебе как обычно?

— Да, — сказала Анна, понятия не имея, что значит «как обычно». — Как обычно.

Мужчина достал небольшой свёрток. Протянул ей. Анна взяла. На ощупь что-то мягкое, может быть, сыр в ткани.

— С тебя две медных марки, но можешь записать. Я помню, у тебя ещё с прошлой недели...

— Я заплачу позже, — Анна быстро взяла свёрток и поспешила уйти, пока лавочник не заметил её невежества.

Две медных марки. Значит, здесь есть валюта. Это уже неплохо. Экономике она хоть немного понимает.

Девушка вернулась на главную дорогу и пошла дальше, к окраине. Хотела увидеть границу деревни. Понять, что находится за полями, кроме леса. Возможно, река. В целом узнать, насколько этот мир населён.

И тут она увидела его.

Он шёл по дороге со стороны полей. Высокий, в белом одеянии, напоминающем то ли рясу, то ли медицинский халат. На поясе что-то вроде планшета или книги. Лицо молодое, но абсолютно лишённое возраста: ему можно было дать и двадцать пять, и сорок. Волосы светлые, жемчужного оттенка, коротко стриженные. Глаза голубовато-серые. И улыбка, даже на фоне местных выделяющаяся: широкая, лучезарная, только от неё веяло холодом — тем особенным, каким веет от вещей, в которых никогда не было жизни.

Анна поняла это инстинктивно, ещё до того, как заметила реакцию остальных. Нужно остановиться.

Женщина с корзиной посторонилась и опустила глаза. Мужчина с осликом замер, глядя в землю. Дети перестали играть и застыли с мячом в руках, словно кто-то нажал на паузу.

Тишина накрыла улицу. Густая, звенящая.

Тот человек, по-видимому, кто-то из хозяев деревни, прошёл мимо, даже не взглянув на замерших людей. Только поравнявшись с Анной, он чуть повернул голову. Взгляд скользнул по ней не дольше секунды, и он зашагал дальше, оставляя за собой шлейф лавандового запаха. Резкого. Концентрированного. Так пахнут химчистки или больничные коридоры, когда пытаются заглушить что-то другое.

Он скрылся за поворотом. Звук, похожий на звон колокольчика, возник на пару секунд и сразу же стих. И только тогда жизнь на улице возобновилась. Женщина поправила корзину, мужчина причмокнул ослику, дети снова кинули мяч.

Анна стояла на месте, чувствуя, как колотится сердце. Браслет начал нагреваться, и она торопливо вызвала в памяти улыбку — ту, механическую, — и наваждение отступило.

Она узнала этот взгляд. За двенадцать лет службы она видела его не раз. Это был взгляд охранника в тюрьме строгого режима, уверенного в своей абсолютной власти. Так смотрят на скот.

Но было ещё кое-что.

Когда он проходил мимо, Анна заметила маленькую деталь. Его левый рукав, на мгновение приподнятый ветром, обнажил запястье. И там, на коже, она увидела совсем не то, что ожидала. Не только золотые нити и корни. Откуда-то сверху проходила тонкая, почти незаметная рябь, как будто кожа была ненастоящей, натянутой поверх чего-то другого. Чего-то, что двигалось. Само по себе.

В дом Анна возвращалась быстро. Голова гудела от вопросов. Свёрток с сыром она сунула в карман передника, не глядя.

Заперев дверь своей комнаты задвижкой, она снова достала из тайника дневник. Затем села на кровать. Солнце било в окно, заливая страницы тёплым светом. Девушка открыла тетрадь и начала читать с первой страницы.

«Я не знаю, кто прочтёт это, но умоляю: НЕ УЛЫБАЙТЕСЬ.

Они питаются не счастьем. Я проверяла. Когда я улыбалась, браслет становился тёплым, и тени в углах комнаты становились гуще. Когда я позволяла себе заплакать — браслет обжигал, однако тени отступали. Они питаются нашей радостью. Вернее тем, что мы выдаём за радость, когда боимся. Эмоцией, рождённой страхом. Они как пауки, тянущие из нас сладкий яд.

Марта не человек. Я не знаю, кто она. Когда она спит, она не дышит.»

Анна отложила книгу и задумчиво уставилась в пространство перед собой.

Живые браслеты, которые не просто считывают эмоции, а питаются ими.

Затем перечитала последнюю фразу.

Марта не дышит. Сегодня за завтраком она не заметила ничего такого. Но ведь она и не приглядывалась. Она вообще смотрела на лицо, на браслет, а не на грудную клетку.

Ладно. Дальше. Она перевернула страницу.

«Я пыталась бежать дважды. Первый раз — через поле. Дошла до леса (да, здесь есть лес, запомни — на северо-восток). Но в лесу что-то есть. Не Садовники. Что-то другое. Я слышала голоса. Они говорили на языке, похожем на жужжание. Я испугалась и вернулась. Браслет нагрелся так, что остался ожог.

Второй раз — через южное поле, ночью. Дошла почти до реки, и тут они пришли. Садовники. Двое. Они не шли, они появились. Просто возникли из воздуха. Сказали, что я заблудилась. Улыбались. Отвели домой. На следующий день Марта принесла чай, от которого я спала два дня.»

Садовники. Получается, хозяев несколько, и они следят

за жителями.

Анна вспомнила того человека в белом одеянии. Возможно, он и есть один из них, но чтобы люди передвигались беззвучно и резко возникали из пустоты? Это звучало как фантастика.

Дальше шли обрывочные записи. Даты (по местному календарю — Анна не поняла систему), какие-то размышления о природе браслетов, зарисовки. Схема деревни — кривая, но достаточно подробная. Отметки: «здесь пост Садовника», «здесь собирают подати», «здесь был наказан Томас».

Анна перелистнула последнюю заполненную страницу и замерла. Почерк изменился. Строчки прыгали, буквы наползали друг на друга. Видимо, Элиза писала это либо в темноте, либо в сильном волнении.

«Сегодня я кое-что поняла. Браслет не просто чувствует эмоции. Он их забирает. Когда я злюсь — по-настоящему, — я чувствую, как что-то уходит из меня через руку. Как ток. Как вода. А потом наступает пустота. И... он становится прохладным. Нет — не так. Он становится **ДОВОЛЬНЫМ**. Я знаю, что это звучит безумно. Но я уверена. Браслет живой. Он — часть их.

Я больше не могу. Если кто-то читает это, значит, меня уже нет. Значит, то, что я задумала, либо сработало, либо убило меня. В любом случае: слушай.

Нож, который лежит с тетрадью, я сделала, чтобы перере-

зять браслет. Я не решилась. Но, может быть, ты решишься. Только не делай этого просто так. Сначала узнай, что будет. Мне не у кого было спросить.

Если ты — это я (если у меня получилось стереть память, как я хотела), то прости. Я пыталась защитить нас.

Если ты кто-то другой... тогда тем более. Будь осторожна. Здесь всё — ложь. Даже земля. Даже воздух.

Элиза».

Анна закрыла тетрадь. Посидела, глядя на высохшие чернила. Потом перевела взгляд на нож, лежащий в тайнике. Маленькое, опасное лезвие — не для убийства, для освобождения.

«Сначала узнай, что будет», — повторила она про себя последние слова Элизы.

И тут в дверь снова постучали.

— Элиза, дорогая, — голос Марты был мягок и ровен, как топлёное молоко. — Обед готов. Господин Фаулер спрашивает о твоём здоровье. Зайдёшь?

Анна спрятала дневник, закрыла половицу, одёрнула платье.

— Иду, Марта. Уже иду.

Она улыбнулась. Широко, спокойно, приклеенно. И вышла из комнаты, на ходу ощущая, как браслет на запястье становится чуть прохладнее.

Где-то на краю ворочалась мысль: «Надо проверить, ды-

шит ли она во сне».

И ещё одна: «Что, чёрт возьми, такое полуденный переход?»

Глава 3. Полуденный переход

Обед проходил в молчании.

Марта сидела напротив, помешивая ложкой в тарелке с овощным рагу. Анна ела мало: аппетита не было, но она заставляла себя глотать, чтобы не вызывать подозрений. Браслет на запястье держался прохладным, и это было хорошо. Похоже, ей удавалось держать эмоции под контролем, — по крайней мере, те, что лежали на поверхности.

Глубинный, затаённый ужас браслет, видимо, не считывал. Или считывал, но иначе. Это следовало проверить.

— Марта, — сказала Анна, откладывая ложку. — Что такое полуденный Переход?

Женщина подняла глаза. Улыбка на мгновение дрогнула. Недоумение? Тревога? Нет, скорее удивление: вопрос казался Марте странным. Слишком простым. Слишком детским.

— Ты и это забыла, бедняжка? — Марта покачала головой. — Господин Фаулер говорил, что после обморока может быть спутанность, но чтобы такое... Переход — это когда солнце стоит в зените. В этот час мы все обращаемся мыслями к Согласию. Вспоминаем, для чего живём.

— И что именно мы делаем?

— Останавливаемся. На несколько минут. Просто молчим и чувствуем благодарность, — Марта коснулась своего

браслета. — Это помогает поддерживать Гармонию. Ты всегда любила Переход, Элиза. Говорила, что в эти минуты чувствуешь себя частью чего-то большего.

Анна кивнула, изображая понимание. Остановиться и молчать. Чувствовать благодарность. Обязательный ритуал для всех. Интересно, что будет, если не остановиться? Она вспомнила, как утром вся улица замерла при виде Садовника. Возможно, это было что-то похожее. Принудительное. Массовое.

— А господин Фаулер... — Начала Анна, но Марта перебила. Мягко, но твёрдо:

— Скоро сама у него спросишь. Он хочет видеть тебя сегодня.

Внутри у Анны что-то оборвалось. Фаулер. Тот, кто сказал, что у Элизы переутомление. Тот, кого Марта упоминает с неизменным почтением. Местный авторитет. Возможно — врач. Возможно — кто-то повыше. И он хочет её видеть. Лично.

— Зачем? — Спросила Анна, и на этот раз даже не стала изображать улыбку.

— Проверить твоё состояние, — Марта пожала плечами. — Ты же была без сознания почти сутки. Он беспокоится. Мы все беспокоились.

Беспокоились. Анна мысленно перевела: «мы заметили аномалию и хотим убедиться, что объект функционирует нормально». Она слишком хорошо знала этот язык. На язы-

ке её прошлой работы это называлось «профилактической беседой». Или «освидетельствованием».

— Когда?

— Сразу после Перехода. Он будет в своём кабинете.

Анна кивнула и вернулась к рагу.

После обеда она поднялась к себе. В запасе было около получаса. Она снова достала дневник Элизы и углубилась в чтение: теперь уже не по порядку, а выхватывая куски, ища то, что пропустила.

Нашла.

На одной из страниц была странная запись. Почерк ещё более неровный, чем обычно, но чернила те же. Значит, Элиза писала это примерно в тот же период.

«Фаулер. Он не просто врач. Я видела его без перчаток. Пальцы длинные. Слишком длинные. Их шесть. И суставов больше, чем нужно. Когда он думает, что никто не смотрит, он их разминает, как будто те затекают в человеческой форме. Я притворилась, что сплю. Он стоял надо мной и что-то шептал. Это был не наш язык. Это было... жужжание. Как в лесу. Я думаю, что он один из них. Только рангом выше. Не Садовник. Что-то другое.»

Анна отложила тетрадь. Значит, Фаулер не человек. Или, по крайней мере, Элиза так считала. У неё было время понаблюдать за ним. У Анны этого времени нет. Через полчаса она будет сидеть с ним в одной комнате.

Девушка бросила взгляд на тайник, в котором лежал нож.

Потом на браслет. Потом снова на тайник.

«Не делай этого просто так. Сначала узнай, что будет».

Значит, сначала — разведка.

Она спрятала дневник и начала готовиться. Мысленно. Так, как готовилась к допросам: особенно к тем, где она была не следователем, а проходящей по делу.

Перед выходом Анна попрощалась с Мартой, появившейся в дверях с той же соломенной шляпой. Поблагодарив женщину за беспокойство, девушка воспользовалась случаем и посмотрела на её руки. Пять пальцев.

Оказавшись за порогом дома, она снова принялась раскладывать всё по полочкам.

Первое: не врать явно. Браслет чувствует эмоции. Если она начнёт выдумывать сложную ложь, страх разоблачения выдаст её с головой. Нужно говорить правду. Но не всю. И только ту, которую можно истолковать безвредно.

Второе: держать лицо. Элиза до обморока была спокойной, послушной, улыбчивой. Значит Анна должна быть такой же. Улыбка. Лёгкое смущение. Благодарность за заботу. Ничего, что могло бы насторожить.

Третье: наблюдать. Записывать в памяти каждую деталь. Как Фаулер двигается. Как говорит. Как смотрит на её браслет. Есть ли у него браслет вообще. Сколько пальцев на руках — Элиза упомянула лишние суставы, и это нужно проверить.

Четвёртое: в случае провала — импровизировать.

Полуденный Переход застал её на пути к дому Фаулера.

Она ждала чего-то драматического: колокольного звона, вспышки света, всеобщего транса и зачитки молитв. Но всё оказалось проще и страшнее.

Просто в какой-то момент около десяти человек на улице остановились. Одновременно. Как по команде, которую Анна не слышала. Некоторые из них, оживлённо обсуждая какие-то бытовые вопросы, замерли у калитки чьего-то дома. Остальные направлялись в сторону площади или же поливали грядки в огороде. Теперь все они стояли с поднятыми к солнцу руками, закрыв глаза.

Наступила тишина.

Анна остановилась тоже. Не столько подчиняясь ритуалу, сколько из инстинкта самосохранения. Выделяться из толпы было нельзя. Она подняла к небу руки, повторяя за остальными. Ладони раскрыла к небу и прикрыла глаза, оставив между век тончайшую щель.

Никто не двигался.

Прошло полминуты. Минута. Две.

Анна осторожно скосила глаза. Люди стояли как статуи: лица безмятежные, расслабленные. Браслеты на их запястьях слабо светились золотом. Пульсировали. Медленно, ритмично, в такт дыханию.

И тут она заметила кое-что ещё.

В воздухе над деревней, высоко-высоко, проявилась сеть.

Тончайшие золотые линии, похожие на паутину, накрывали улицы, дома, поля, и все они сходились к одной точке где-то в центре деревни. Анна не видела саму точку, её загораживали дома, но направление определила. За полями, туда, где на небольшом отдалении виднелось поместье Фаулера.

Сеть пульсировала. Люди пульсировали. Браслеты пульсировали. Единый организм. Единый ритм.

А потом всё кончилось. Сеть в небе растаяла, браслеты погасли, люди открыли глаза и как ни в чём не бывало продолжили свои дела. Женщина поправила корзину. Мужчина взмахнул граблями. Дети засмеялись.

— Доброго Перехода, Элиза! — Крикнул кто-то.

— И вам, — машинально ответила Анна и пошла дальше, чувствуя, как под платьем, вдоль позвоночника, стекает холодный пот.

Она миновала последний белый домик и вышла за околицу. Дорога здесь сворачивала к северо-западу, огибая широкие, золотящиеся под идеально синим небом поля. Слева простиралась ровная, как стол, пшеница, наполненная тишиной. И ни души.

Сам особняк Фаулера стоял на небольшом возвышении, в отдалении от остальных домов. Он казался вырезанным из серого камня: аккуратный, величественный, трёхэтажный. Вокруг него, насколько хватало глаз, простирался большой участок ухоженной земли: аккуратные дорожки, ровные, словно вычерченные по линейке кустарники, и невысо-

кий, но крепкий каменный забор с резными столбами.

Анна невольно замедлила шаг. Дом казался чужим на фоне этих бескрайних, спокойных полей. Воздух здесь пах иначе. В нём смешивались сухой ветер с золотистого поля, зелень сада и... лаванда. Густой, пряный, успокаивающий запах. Гораздо более сильный, чем у жителей в клумбах. Казалось, он исходил от самой земли, от каждой травинки, от камней забора.

Она подошла к воротам. Кованый металл, выкрашенный в тёмный цвет, не был заперт. Рядом с ними, у самых каменных столбов, густо цвели кусты: розы, лиловые шапки лаванды, и ещё какие-то пышные, незнакомые ей растения. Анна толкнула тяжёлую калитку. Та открылась легко, бесшумно, приглашая войти.

Внутри за забором сад жил своей жизнью. Ухоженный, строгий, он вёл широкой каменной дорожкой к широкому крыльцу с колоннами. Вдоль неё, повторяя геометрию сада, стояли те самые подстриженные кусты. Сразу за домом, слегка скрытая его массивным правым крылом, угадывалась восточная оранжерея. Её стеклянные стены тускло отражали голубое небо. Над главным входом в дом висел символ, вырезанный в камне: круг, вписанный в треугольник, с исходящими лучами. Анна где-то уже видела этот символ. Где? На браслете? Нет. На планшете Садовника? Возможно.

Она поднялась на крыльцо, сняла шляпу и постучала. Дверь открылась почти сразу, словно её ждали. Нет, так и

было.

— Привет, Элиза. Проходи.

Голос был низким, обволакивающим. Фаулер стоял в дверном проёме — высокий мужчина в тёмном костюме, странно контрастирующем со светлой одеждой местных. Плечи широкие, лицо узкое, черты заострённые, но не уродливые — наоборот, породистые, даже красивые. Волосы короткие, тёмные, зачёсанные назад. И улыбка та же, что у всех, но более сдержанная. Более профессиональная.

Глаза светлые. Почти бесцветные. Очень внимательные. На вид мужчине было около двадцати пяти.

Анна вошла, стараясь не разглядывать его руки. Пока что.

Внутри дом оказался миром, отделенным от деревни толстыми стенами. Анна переступила порог и на мгновение замерла, позволяя глазам привыкнуть к полумраку.

Они вошли в небольшой холл, отделанный темным деревом и дорогими, чуть выцветшими обоями с замысловатым узором. На стенах висели старые портреты в тяжелых золотых рамах с лицами людей, которых Анна никогда не знала и, возможно, никогда не узнает. Слева от входа, на изящном консольном столике, стоял одинокий канделябр. А прямо перед ней, уводя на второй этаж, круто забиралась вверх широкая лестница с резными перилами, устланная потемневшей ковровой дорожкой. Лестница уходила в тень, скрывая верхние комнаты, и Анна невольно задержала на ней взгляд.

Вместо того чтобы предложить ей подняться, Фаулер

свернул влево, в приоткрытую массивную арку.

За аркой открывалась большая комната, совмещённая с кабинетом. В ней царил особый полумрак. Высокий потолок терялся в тенях, а тёплый свет от нескольких ламп с абажурами мягко ложился на тёмные стены, заставленные от пола до потолка книжными шкафами. Пахло старыми книгами, сухими травами и, конечно же, той самой вездесущей лавандой, которая, казалось, пропитала даже мебель.

Камин с тяжёлой резной полкой зиял чёрной пустотой.

В центре комнаты, укрывая массивный дубовый пол, лежал большой узорчатый ковёр. На нём приютился невысокий деревянный столик с резными ножками. По противоположным сторонам от него стояли два тёмно-синих кожаных диванчика с низкой спинкой и мягкими подушками. Анна мысленно отметила, что с этих диванов открывается идеальный обзор на всю комнату — место, с которого удобно наблюдать за собеседником.

Однако настоящим центром комнаты был огромный письменный стол. Он стоял у окна, скрытого тяжёлыми, тёмно-коричневыми бархатными шторами, собранными по бокам. Само окно было сделано в виде высокой, плавной арки, выходящей в сад, к воротам. На столе, кроме каких-то бумаг, лежали необычные приборы: незнакомый, но явно медицинский инструментарий. Что-то вроде стетоскопа, только с золотыми насадками, несколько склянок с разноцветными жидкостями и тускло блестящий металлический планшет

— тот самый, что она видела у Садовников, но больше.

— Садись, — Фаулер указал на кресло возле стола. Сам сел напротив. Движения плавные, текучие. Нечеловечески плавные, подумала Анна.

Она подошла ближе, сев на мягкое, обтянутое тёмной кожей кресло, и сложила руки на коленях. Улыбка мягкая, послушная, как и положено Элизе. На ковре заплясали отблески света.

Девушка кинула мимолётный взгляд в угол, где стоял стул, почти скрытый тенью от шкафа. Кожаный, с металлическими подлокотниками и странными креплениями, напоминающими головодержатель. Стоматологическое кресло, но предназначенное для чего-то иного. Оно выглядело чужим в этой библиотеке, старым и пугающим, и Анна постаралась не смотреть на него слишком пристально.

— Как ты себя чувствуешь? — Спросил Фаулер, беря в руки планшет. — После обморока. Марта сказала, была спутанность.

— Да, господин Фаулер. Немного. Сейчас уже лучше.

— Что именно ты помнишь?

Вопрос опасный. Он проверяет, что осталось от Элизы. Анна ответила осторожно и уклончиво:

— Почти всё. Немного путаются события последнего дня перед обмороком, но всё постепенно возвращается.

Фаулер кивнул. Сделал пометку в планшете, проведя пальцем по поверхности. Планшет слабо засветился, прини-

мая запись. Технология, которой здесь быть не должно. Возможно, единственное средство связи, которого нет ни у кого, кроме них.

— Я хотел бы провести короткий осмотр. Ничего сложного. Просто проверить твои показатели. Ты не против?

— Конечно, господин Фаулер.

Он пододвинулся ближе, вместе со стулом. Плавно, без скрипа. Протянул руку к её лицу. И вот тут Анна наконец увидела.

На руках и правда находилось по шесть длинных пальцев. Кожа на них была странного оттенка: слишком бледная, почти полупрозрачная, и под ней угадывалось какое-то движение. Словно мышцы сокращались не в такт. Словно он был вампиром из старых готических фильмов.

Фаулер заметил её взгляд. На долю секунды его улыбка стала шире, хищнее.

— Смотри на свет, — произнёс он, поднося к её глазу маленький фонарик. — Не бойся.

Анна не боялась. Она запоминала.

Он провёл осмотр быстро и профессионально: проверил зрачки, пульс. Через браслет. Оказывается, тот умел передавать данные на планшет. Даже попросил её дотронуться пальцем до кончика носа с закрытыми глазами. Неврология. Стандартный набор.

— Всё в порядке, — резюмировал он, возвращаясь на место. — Показатели отличные. Даже лучше, чем до обморока.

Странно, да?

— Разве это плохо? — Анна постаралась изобразить наивное удивление.

— Нет. Просто необычно. Обычно после такого стресса организму нужно время на восстановление, — он помолчал, глядя на планшет. — Но тебе, Элиза, словно кто-то дал новый источник сил.

Пауза.

Анна улыбнулась.

— Ладно, — Фаулер отложил планшет. — Иди. Отдыхай. Завтра можешь возвращаться к работе. Южное поле, как обычно.

— Спасибо, господин Фаулер.

Она встала и пошла к двери. У самого выхода он окликнул её:

— Элиза.

— Да?

Анна обернулась. Фаулер смотрел на неё — и теперь в его глазах было что-то новое. Не подозрение. Интерес. Как у натуралиста, обнаружившего необычный экземпляр.

— Если будут странные сны, — сказал он мягко, — или мысли. Или воспоминания, которые покажутся... чужими. Не стесняйся обращаться ко мне. Хорошо?

— Хорошо, — кивнула Анна, а потом вышла за дверь.

Она возвращалась в деревню быстрым шагом, не оглядываясь, но кожей чувствуя его взгляд. Он что-то понял. Или

заподозрил. «Новый источник сил» — это не метафора. Фаулер знает, что с Элизой что-то произошло.

Вопрос в том, знает ли он, что именно?

Вернувшись домой, девушка сразу поднялась к себе. Марта что-то напевала на кухне: простую, ритмичную мелодию без начала и конца. Заперев дверь, Анна села на кровать и заставила себя дышать ровно.

Итак.

Фаулер не просто врач. Он — один из «них». Рангом выше Садовника, Элиза была права. Он ведёт наблюдение за жителями и является таким же, как тот человек. Ну или почти человек. Он заметил аномалию в её показателях и предложил прийти "если будут странные сны».

Это ловушка. Или тест. Или и то, и другое.

Браслет на руке нагрелся: Анна почувствовала это с запозданием и заставила себя успокоиться. Думать о чём-то нейтральном. Элиза. Поле. Запах пшеницы.

Тепло ушло.

Она достала дневник и открыла его на странице, где был план деревни. Мельница в поле, амбар, старая смотровая башня примерно в той же стороне. Посмотрела на чертёж особняка. От него тянулись маленькие стрелки к постам Садовников, к каким-то точкам, обозначенным как «сборные пункты». И надпись на полях торопливая, почти нечитаемая: «В Переход они кормятся. Все вместе. Вся деревня — од-

на батарея. Я видела, куда уходят нити — в центр, под землю. Там что-то есть. Не знаю что.»

Анна закрыла дневник.

Нити. Она видела их сегодня. Золотую сеть в небе. Значит, Элиза тоже их видела. И пришла к тому же выводу: деревня — батарея. Люди — источник энергии. А Переход — момент, когда энергия собирается и уходит куда-то в центр.

Под землю.

Она долго сидела неподвижно. Потом подошла к окну. Солнце уже клонилось к закату, поля пшеницы стали медными. Вдалеке, на границе видимости, темнела полоска леса. Северо-восток. Там что-то есть. Что-то, что напугало Элизу сильнее Садовников.

Завтра она выйдет в поле. Южное поле — это не лес, но всё же дальше от деревни. Можно будет осмотреться. Прикинуть маршрут. Понять, сколько времени нужно, чтобы добраться до леса. Ей нужен план отступления. На случай, если Фаулер решит, что аномалия слишком опасна, чтобы оставлять её на свободе.

Но перед этим нужно сделать ещё одну вещь.

Проверить, дышит ли Марта во сне.

Глава 4. Ночное дежурство

До темноты девушка успела сделать несколько вещей.

Изучить план деревни в дневнике Элизы до мельчайших деталей. Она всегда хорошо запоминала карты: на службе это не раз спасало ей жизнь. Сам мир назывался Амарант, — да, всё же это была не Земля, как она думала. Она не разбиралась в астрономии, но луна здесь выглядела иначе, чем в родном мире. Не было созвездий большой или малой медведицы на небе. Просто россыпь звёзд. А также она не могла понять местный текст. Никакой, кроме дневника Элизы, хотя иероглифы были похожими. Сама деревня — Мидвилл (Meadville — «Луговое», машинально перевела она), и в ней было чуть больше ста пятидесяти домов, включая особняк Фаулера. Около четырёхста жителей на момент записи дневника. Теперь на одного меньше, если считать, что сама Элиза больше не входит в это число.

Как уже выяснилось, они с Мартой живут только вдвоём, ведь до сих пор ни слова о родителях не было упомянуто. Пусть так, значит позже будет шанс спросить об этом у самой Марты.

Потом она нашла в дневнике описание того, что Элиза называла «лесными голосами». Это было тревожно и непонятно, но давало надежду. Если в лесу есть что-то, чего Садов-

ники бояться или хотя бы избегают, — это потенциальный союзник. Или, как минимум, отвлекающий фактор.

«Они говорят жужжанием, но я поняла несколько слов. Не спрашивай как — я просто поняла. Они сказали: «она слышит». И потом: «ещё рано». А потом они ушли. Не исчезли, как Садовники, а именно ушли — ногами, по земле. Я слышала шаги. Значит, они материальны. Значит, их можно найти».

Также она изучила нож. Лезвие было острым, ухоженным, но очень коротким. Чтобы перерезать браслет, пришлось бы копать в собственной плоти. Элиза не решилась. Анна понимала почему: боль, страх, риск повредить вены. Но была ещё одна мысль — что, если браслет не просто сидит на руке? Что, если он пророс глубже, соединился с нервами, с кровеносной системой? Что, если его удаление убьёт носителя?

«Сначала узнай, что будет», — повторила она про себя. Нужен подопытный. Или информация. Ни то, ни другое пока недоступно.

С этими мыслями она спрятала нож и книгу обратно в тайник.

Ужин прошёл как обычно. Рагу. Хлеб. Травяной чай. Анна пила чай осторожно, маленькими глотками, принохиваясь — тот же запах, что и утром, лаванда с примесью химии. Она сделала вид, что выпила половину, а остаток вылила в горшок, предварительно заслонив его спиной от Марты.

Растение в горшке выглядело не очень. Листья пожелтели

по краям.

— Спокойной ночи, Элиза.

— Спокойной, Марта.

Она ушла к себе. Но не легла.

Вместо этого она села на пол, прислонившись спиной к двери, и стала ждать. В доме было тихо: только половицы иногда поскрипывали, остывая после дневного тепла. Марта ходила по кухне, гремела посудой, напевала ту же мелодию. Потом шаги стихли. Скрипнула дверь в её комнату. Тишина.

Анна никогда не любила ночные засады.

В прошлой жизни они были худшей частью работы. Часами сидеть в машине, вглядываясь в тёмные окна, ждать, когда фигурант совершит ошибку. Холод, сырость, затёкшая спина и постоянное, изматывающее напряжение. Единственное, что спасало, — возможность курить. Здесь не было ни сигарет, ни кофе. Только темнота и тишина.

План был прост. Дождаться, пока Марта уснёт. Выждать час-полтора — достаточно, чтобы та уснула. Затем дойти до конца коридора и проверить. Осторожно. Беззвучно. Если Элиза права и Марта не дышит во сне, это станет первым реальным доказательством. Если Элиза ошиблась? Что ж, значит, у страха были слишком большие глаза.

Анна надеялась на первое. Не потому, что хотела, чтобы хозяйка дома оказалась чудовищем. Просто чудовище — это понятно. С чудовищем можно бороться. А вот если всё это лишь паранойя погибшей девушки, тогда Анна действитель-

но сошла с ума, и весь этот мир — бред умирающего мозга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.